

Гнедич Николай Иванович

**Николай Гумилев в
воспоминаниях
современников**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г56

Г56 **Гнедич Николай Иванович**
Николай Гумилев в воспоминаниях современников / Гнедич Николай Иванович – М.: Книга по Требованию, 2013. – 214 с.

ISBN 978-5-458-03634-4

ISBN 978-5-458-03634-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Гумилев Николай
Николай Гумилев в
воспоминаниях современников

Николай ГУМИЛЕВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ
РЕДАКТОР-СОСТАВИТЕЛЬ,
АВТОР ПРЕДИСЛОВИЯ И КОММЕНТАРИЕВ - ВАДИМ КРЕЙД

Цель этого издания - показать Гумилева как поэта и как живого человека, как личность в живом окружении, в общении, разговорах и живой деятельности, - словом, сделать более близким для нас человека, обогатившего русскую литературу, повлиявшего на современников и потомков, на сам процесс поэтического развития.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя

Эрих Голлербах. Из воспоминаний о Н. С. Гумилеве

Дмитрий Кленовский. Поэты Царскосельской гимназии

Андрей Белый. На экране Гумилев

Александр Биск. Русский Париж 1906-1968 гг.

Алексей Толстой. Н. Гумилев

Сергей Маковский. Николай Гумилев (1886-1921)

Сергей. Маковский. Николай Гумилев по личным воспоминаниям

Владимир Пяст. Встречи

Анна Гумилева, Николай Степанович Гумилев

Иоганнес фон Гюнтер. Под восточным ветром

Георгий Адамович. Вечер у Анненского

Максимилиан Волошин. Воспоминания о Черубине де Габриаак

Андрей Белый. Башенный житель

Вера Неведомская. Воспоминания о Гумилеве и Ахматовой

Бenedикт Лившиц. Полутораглазый стрелец

Георгий Адамович. Мои встречи с Ахматовой

Владимир Шкловский. Гумилев, "Костер"

Николай Минский. "Огненный столп"

Николай Оцуп. Н. С. Гумилев

Николай Оцуп. Николай Степанович Гумилев

Леонид Страховский. О Гумилеве. (1886-1921)

Владислав Ходасевич. Гумилев и Блок

Андрей Левинсон. Гумилев

Андрей Левинсон. Блаженны мертвые

Петр Рысс. У Тучкова моста

Всеволод Рождественский. Гумилев и Блок

Василий Немирович-Данченко. Рыцарь на час

Соломон Познер. Памяти Н. С. Гумилева

Александр Амфитеатров. Н. С. Гумилев

Георгий Адамович. Памяти Гумилева

КОММЕНТАРИИ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящее издание является первым сборником воспоминаний о Николае Степановиче Гумилеве. Оно готовится к печати, когда минуло сто лет со дня его рождения и шестьдесят шесть лет со времени трагической гибели, хотя было бы разумнее, полезней и справедливей, если бы подобная книга появилась, скажем,

пятьдесятю годами раньше. Цель этого издания - показать Гумилева как поэта и как живого человека, как личность в живом окружении, в общении, разговорах и ежедневной деятельности, - словом, сделать более близким для нас человека, славного своим литературным и жизненным подвигом, человека, прекрасно жившего, обогатившего русскую литературу, повлиявшего на современников и потомков, на сам процесс поэтического развития.

Читатель поступит мудро, если познакомится также и с комментариями, ибо в них содержится добавочный материал, не находимый в главной части этой книги. Мы старались включить важнейшие воспоминания и были ограничены лишь объемом и доступностью иных источников. Разумеется, мы не стали включать сюда те мемуары, которые вошли в четырехтомное собрание сочинений Гумилева или в недавно вышедшую книгу Н. Гумилев, "Неизданное и несобранное" под редакцией М. Баскера и Ш. Греем.

Тридцать очерков двадцати четырех авторов расположены здесь в хронологическом порядке, насколько это осуществимо в подобном издании. Например, в мемуарах Анны Гумилевой говорится обо всей жизни поэта, от рождения до смерти. Однако первая их личная встреча имела место в 1909 году, и соответственно мы поместили ее очерк вслед за воспоминаниями Вл. Пяста, который описывает свои личные встречи с Гумилевым, начиная также с 1909 года, но несколькими месяцами раньше.

Первыми в книге идут воспоминания историка искусства и литературного критика Эриха Голлербаха, который начинает свой рассказ с гимназических лет Гумилева. И хотя Анна Гумилева в своих записках заглядывает еще в более далекое прошлое, но этот ретроспективный взгляд основан не на личной памяти, а на семейном предании. Рассказ Гумилевой непосредствен, лишен литературных претензий, интерпретация ее подчас чисто бытовые, но такой бытовой подход всегда был достоянием мемуарного жанра. Что же касается очерка Голлербаха, то он, напротив, написан литератором, причем не из числа "болельщиков" Гумилева. Голлербаху Гумилев не симпатичен, в чем-то даже смешон. Вместе с этим это воспоминания очевидца, наблюдательного и умного современника; тем-то они и важны.

Далее идут воспоминания Дмитрия Кленовского, неоднократно писавшего о Гумилеве в своих стихах. Кленовский поступил в гимназию - ту же самую, Николаевскую, царскосельскую, - когда Гумилев уже заканчивал ее. Его впечатления о поэте, только что выпустившем свой "Путь конквистадоров", остались "чисто внешними". Для более памятливого и более понятливого восприятия Кленовский был тогда еще слишком мал. Ценность его воспоминаний состоит скорее в описании окружения юного Гумилева - школы, учителей, города, быта и устоев жизни, уже давших трещину в 1905 году. Из этих тускловатых, но драгоценных всплесков памяти и состоят его мемуары.

Следующими приведены здесь страницы воспоминаний Андрея Белого. Они относятся к тому времени, когда, окончив гимназию, Гумилев уехал в Париж. Две очень краткие, но очень яркие сцены рисуют Гумилева в его повседневной жизни, его тягу к общению с "настоящими" поэтами, его первые травмы на литературном пути, основы его характера, из которых вскоре выковалась цельная и сильная личность.

Хорошим дополнением к этим парижским воспоминаниям являются заметки

забытого ныне поэта Александра Биска, опубликовавшего свои стихи в журнале "Сириус", который Гумилев на двадцать первом году своей жизни основал и издавал в Париже.

Затем мы переходим к очерку Алексея Толстого, познакомившегося с Гумилевым в начале 1908 г. Эти воспоминания, хотя и не во всем точны, в иных местах подлинно уникальны. Только из них, например, узнаем мы о попытке самоубийства. Ценно в рассказе Толстого и описание дуэли с Волошиным, причем оно увидено глазами непосредственного очевидца. Когда Толстой писал эти воспоминания, он еще не был "классиком советской литературы", жил в эмиграции и мог позволить себе роскошь свободного самовыражения. В СССР этот очерк не публиковался ни отдельно, ни в наиболее полном пятнадцатитомном собрании сочинений "советского графа".

С Сергеем Маковским Гумилев познакомился в самом начале 1909 г. Этот год в его биографии, в силу интенсивной насыщенности, может быть назван временем бури и натиска. 1909-ый год - это успех "Аполлона", сближение с Вячеславом Ивановым и Анненским, организация Академии стиха. Это приобретенная уверенность в себе как литературного критика, подготовка к печати "Жемчугов" и многое другое. Но это был также год потерь: закрылся "Остров", умер Иннокентий Анненский, закончили свое существование "Весы", которые фактически дали Гумилеву "диплом на поэта". Дуэль 22 ноября и события с ней связанные означали потерю нескольких друзей, в частности, Волошина и Дмитриевой.

Еще один очерк Маковского ("Николай Гумилев по личным воспоминаниям") во многом уточняет и дополняет образ поэта. Сведения Маковского из первых рук. Он принадлежит к числу мемуаристов, писавших воспоминания на основании многочисленных встреч, а не тех, для которых одна памятная встреча послужила основой для мемуаров.

Владимир Пяст, поэт-символист и талантливый критик, в близких отношениях с Гумилевым никогда не находился. Но с ним он встречался, в частности, в так называемой Про-академии на "башне" у Вячеслава Иванова. И если бы не рассказ Пяста, мы бы почти ничего не знали об этой Про-Академии, переросшей, по инициативе Гумилева в "Общество ревнителей художественного слова".

Затем идут воспоминания Анны Гумилевой, о которых сказано было выше. И вслед за ними в данный сборник включен единственный среди наших авторов иноземный участник и свидетель русской литературной жизни серебряного века. Иоганнес фон Гюнтер, немецкий поэт и драматург, живший в Петербурге наездами, стал сотрудником "Аполлона", близко знал всю его редакцию, коротко был знаком с Гумилевым. Воспоминания эти несколько поверхностны, не во всем откровенны, но все же обладают качествами, о которых можно сказать, что само наличие таких мемуаров является их несомненным достоинством.

Георгий Адамович, поэт и литературный критик, судя по его воспоминаниям, впервые встретился с Гумилевым, еще будучи пятнадцатилетним мальчиком. Позднее он стал членом Цеха поэтов, участником ряда гумилевских начинаний. Но эта первая встреча осенью 1909 г. в кабинете Анненского осталась ему памятной на всю жизнь. Очерк Адамовича дополняет наши представления о взаимоотношениях Анненского и Гумилева и поясняет один существенный момент в поэтике Гумилева - его взгляд на адресат в стихотворении. Стихи, в соответствии с этим взглядом, могут быть обращены к людям, к самому себе или к Богу.

О дуэли Гумилева писали в своих воспоминаниях несколько авторов. Отрывок из мемуаров Волошина, противника Гумилева по дуэли, представляет особенный интерес. О взаимоотношениях, предшествующих дуэли, мы мало что узнаем, но обстоятельства поединка описаны с деталями, не встречающимися у других авторов, хотя хронология в этих воспоминаниях в значительной степени перепутана. Для сравнения, особенно в плане хронологии, приведем здесь короткий отчет, напечатанный по свежим следам в газете "Новое время" в отделе происшествий: "22 ноября в Старой Деревне близ Петербурга, на том же месте, где недавно была дуэль между членами Г. Думы и гр. Уваровым, состоялась дуэль между литераторами - поэтами М. В. и Н. Г. Противники обменялись на расстоянии 25 шагов из гладкоствольных дуэльных пистолетов безрезультатными выстрелами. Причина дуэли - личное оскорбление. Полиция явилась на место уже после окончания дуэли. Составлен протокол".

Пресса охотно ухватилась за эту маленькую сенсацию. Заметка в "Новом времени" была из числа наиболее сдержанных. В других случаях журналисты писали не без злорадства. Известный фельетонист Вл. Азов зубоскалил в "Речи" по поводу этого злополучного конфликта: "Насчет дуэли? Превосходная вещь. В особенности зимою. Зимою какая же дуэль без коньяку и шампанского? И при том требуют самого лучшего, высших марок. Дуэли поддерживают винную торговлю... Все-таки фигурируешь в газетах: секундантами были такие-то. И при том без малейшей для себя опасности. Вообще это придает человеку известный вес".

Затем следуют воспоминания Андрея Белого, показывающие Гумилева в его отношениях с Вячеславом Ивановым. Его поэзия повлияла на Гумилева лишь кратковременно и весьма поверхностно. Однако его идеи сыграли в судьбе Гумилева роль более заметную, но как правило, негативную. Отталкиваясь от этих идей, Гумилев имел возможность с предельной отчетливостью осознать свою линию, свое направление и свою роль в русской литературе. Это же отталкивание привело Гумилева к созданию Цеха поэтов в противовес Академии стиха, где царил Вячеслав Иванов, а также и к созданию акмеизма как художественной системы, противопоставившей себя символизму, более всего символизму именно того толка, который исповедовал и проповедовал Вяч. Иванов.

Следующие по времени воспоминания принадлежат перу художницы Веры Неведомской, соседки Гумилевых по их имению Слепнево, куда семья выезжала на лето. Знакомство с Неведомской произошло вскоре после того, как Гумилев и Ахматова вернулись из своего свадебного путешествия во Францию. Достоинство этих воспоминаний состоит в частности в том, что в них приводится пересказ пьесы Гумилева "Любовь-отравительница", неизвестной нам из других источников.

Чаще других мемуаристов писал о Гумилеве Георгий Иванов. В начале двадцатых годов он задумал о нем книгу. Замысел не осуществился. Но сведения, собранные для книги, позднее пригодились Г. Иванову для многих его воспоминаний. Он познакомился с Гумилевым в 1912 г. и стал его верным другом и последователем, впрочем, не весьма последовательным. Г. Иванов был слишком независим и исключительно талантлив, чтобы надолго оставаться чьим бы то ни было учеником. Здесь мы приведем отрывок из воспоминаний Г. Иванова, не вошедших ни в комментарии, ни в основной текст книги:

Однажды Гумилев прочел мне прокламацию, лично им написанную. Это было в кронштадтские дни. Прокламация призывала рабочих поддержать восставших матросов, говорилось в ней что-то о "Гришке Распутине" и "Гришке Зиновьеве". Написана она была довольно витиевато, но Гумилев находил, что это как раз язык "доступный рабочим массам". Я поспорил с ним немного, потом спросил: "Как же ты так свою рукопись отдашь? Хотя бы на машинке переписал. Ведь мало ли куда она может попасть".

- Не беспокойся, размножат на ротаторе, а рукопись вернут мне. У нас это дело хорошо поставлено.

Месяца через два, придя к Гумилеву, я застал его кабинет весь разрытым. Бумаги навалены на полу, книги вынуты из шкафов. Он в этих грудях рукописей и книг искал чего-то. - Помнишь ту прокламацию? Рукопись мне вернули. Сунул куда-то, куда не помню. И вот не могу найти. Пустяк, конечно, но досадно. И куда я мог ее деть?

Он порывлся еще, потом махнул рукой, улыбнулся. - Черт с ней! Если придут с обыском, вряд ли найдут в этом хламе. Раньше все мои черновики придется перечитать. Терпения не хватит.

"Терпения" по-видимому хватило. "Сочинял прокламации, призывавшие к свержению советской власти"...

Нашли, значит. Или может быть один из тех двух, о которых Гумилев говорил: "верю, как самому себе". И где теперь этот проклятый клочок бумаги, который в марте 1921 года держал я в руках...

Из воспоминаний Бенедикта Лившица мы можем почерпнуть подробности, касающиеся отношений Гумилева с футуристами. Гумилев сознавал себя их литературным противником, однако жизненные ситуации сталкивали его с ними не столь уж редко. Вслед за этим в нашем сборнике приводятся воспоминания Георгия Адамовича. Мы видим Гумилева в созданном им Цехе поэтов, в его отношении к поэзии Ахматовой и в отношении к Блоку, поэту и человеку. Затем следует рецензия Вл. Шкловского на "Костер" Гумилева. Написана она человеком, встречавшимся с Гумилевым лично. Отзыв Вл. Шкловского содержит несколько мемуарных штрихов, и поэтому мы посчитали уместным включить эту рецензию в книгу мемуарного характера. Такова же статья Николая Минского: строго говоря, по жанру это рецензия на вышедший в августе 1921 г. "Огненный столп". Но это такая рецензия, которая дала ее автору повод к дельным и детальным воспоминаниям.

Николай Оцуп писал о Гумилеве почти так же много, как и Г. Иванов. О Гумилеве Оцуп писал докторскую диссертацию. Но здесь нас интересует Оцуп как мемуарист. Его знакомство с Гумилевым продолжалось с 1918 по 1921 год. Как человек на всю жизнь полюбивший поэзию Гумилева и как исследователь его творчества Оцуп был одним из наиболее осведомленных людей когда-либо писавших о Гумилеве. Его воспоминания всегда будут оставаться одной из важных частей "гумилевяны".

Знакомство Л. Страховского с Гумилевым, напротив, было кратковременным. Зато эпизод, рассказанный Страховским, - один из самых волнующих во всех биографии поэта. Относится он к маю 1918 г., когда Гумилев только что вернулся в Советский Петроград после годичного пребывания за границей. Он выступил 13 мая с чтением стихов на том же литературном утреннике, где жена Блока

читала злосчастные "Двенадцать", и затем после перерыва выступил и сам Блок. Об отношениях двух крупнейших поэтов своего времени написано сравнительно много. Но, пожалуй, наиболее ярким в этой области остается очерк Ходасевича "Гумилев и Блок". Более ранний вариант этого же очерка цитируется в комментариях.

С Андреем Левинсоном, плодовитым художественным критиком и переводчиком, Гумилева объединяла работа в "Аполлоне", а позднее в издательстве "Всемирная литература". Левинсон обратил внимание на творчество поэта еще в начале 1909 г. и опубликовал в "Современном мире" содержательную рецензию на "Романтические Цветы". После гибели Гумилева был Левинсон одним из первых, кто откликнулся в печати на весть о трагедии, постигшей нашу литературу. Он писал о Гумилеве неоднократно, выступил с лекцией о нем в Сорбонне, а в 1922 году в "Современных записках", лучшем русском зарубежном журнале, опубликовал свой очерк "Гумилев", включенным, в настоящее издание. А. Левинсон четко формулирует свое понимание Гумилева поэта и человека: "Мерой вещей была для него поэзия... Музыка сфер - прообразом стихотворной ритмики".

Затем в этой книге помещена забытая, извлеченная из старой периодики, страничка воспоминаний журналиста Петра Рысса и следом за ней - воспоминания Вс. Рождественского, правоверного советского поэта, в юности столь многим обязанного Гумилеву, но "благоразумно" отрекшегося от учителя.

Напротив, воспоминания Немировича-Данченко дают яркий портрет Гумилева и сообщают о малоизвестных фактах биографии, например, о желании бежать из советского рая через эстонскую границу.

Эти сведения дополняются заметкой С. Познера, напечатанной в "Последних новостях" через несколько дней после того, как за границей стало известно о казни поэта. Подробности ареста и сопутствующих обстоятельств читатель найдет в приведенной здесь главе из забытой книги А. Амфитеатрова "Горестные заметы" и в меньшей степени в очерке Адамовича "Памяти Гумилева". Этот очерк, заключительный в нашей книге, заканчивается очень верными словами: "Ранняя насильственная смерть дала толчок к расширению поэтической славы Гумилева... Стихи его читаются не одними литературными специалистами или поэтами: их читает рядовой читатель и приучается любить эти стихи, мужественные, умные, стройные, благородные, человеческие - в лучшем смысле слова".

Издавая эту книгу, мы думаем о том, что в своих культурных начинаниях на благо свободной России эмиграция опять опережает метрополию. Несмотря на реабилитацию Гумилева, издание подобного тома в Советском Союзе все еще невозможное дело. Пятнадцать из двадцати четырех авторов, включенных в эту книгу, - эмигранты. Из числа неэмигрантов Пяст, Лившиц - умышленно забытые имена. Их книги шестьдесят лет ждут своего переиздания, в некоторых случаях - первого издания. Почти то же самое можно сказать о Волошине и Белом. Конечно, придет время и напечатают, например, запрещенные мемуары вполне советского Алексея Толстого. Но процесс реабилитации будет полным только тогда, когда откроют страшные архивы Таганцевского дела, которое в любом случае не будет забыто, пока в России жива любовь к поэзии.

Вадим Крейд

12 июня 1987 г.

ЭРИХ ГОЛЛЕРБАХ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Н. С. ГУМИЛЕВЕ

Неисправимый романтик, бродяга-авантюрист, "конквистадор", неутомимый искатель опасностей и сильных ощущений, - таков был он.

Многие зачитываются в детстве Майн-Ридом, Жюлем Верном, Гюставом Эмаром, но почти никто не осуществляет впоследствии, в своей "взрослой" жизни, героического авантюризма, толкающего на опасные затеи, далекие экспедиции.

Он осуществил. Упрекали его в позерстве, в чудачестве. А ему просто всю жизнь было шестнадцать лет. Любовь, смерть и стихи. В шестнадцать лет мы знаем, что это прекраснее всего на свете. Потом - забываем: дела, делишки, мелочи повседневной жизни убивают романтические "фантазии". Забываем. Но он не забыл, не забывал всю жизнь.

Из-за деревьев порою не видел леса: стихи заслоняли поэзию, стихи были для него дорожке поэзии. Он делал их, - мастерил.

Мои первые воспоминания о Николае Степановиче относятся к той поре, когда он был учеником Царскосельской Николаевской гимназии, а я учеником Реального училища в том же Царском Селе. Вернее, от этого времени у меня сохранились не воспоминания, а мимолетные и смутные впечатления, - лично знакомы мы тогда не были. Он уже кончал гимназию, имел вполне "взрослое" обличье, носил усики, франтил, - я же был еще малышом. Гумилев отличался от своих товарищей определенными литературными симпатиями, писал стихи, много читал. В остальном он поддерживал славные традиции лихих гимназистов прежде всего усердно ухаживал за барышнями. Живо представляю себе Гумилева, стоящего у подъезда Марининской женской гимназии, откуда гурьбой выбегают в половине третьего розовощекие хохотушки, и "напевающего" своим особенным голосом: "Пойдемте в парк, погуляем, поболтаем".

После гимназии - Париж, Сорбонна. Учился он мало, больше жуировал, по собственному признанию. В Россию вернулся рафинированный эстет, настроенный до чрезвычайности "бальмонтонно". Кажется, не было у него знакомой барышни, которой бы он не сообщал о своем желании "быть дерзким и смелым, из пышных гроздий венки свивать" и пр. Одна из наших общих знакомых рассказывала мне, как Н. С. вез ее куда-то на извозчике и полчаса настойчиво приглашал "быть, как солнце".

Увлечение Бальмонтом очень заметно отразилось на ранних стихах Гумилева. Позже он вполне освободился от этого влияния и Бальмонт для него стал чуть ли не синонимом дурного вкуса и пошлости, хотя больших заслуг поэта он никогда не отрицал.

На первых порах далеко не все литературные начинания Гумилева были удачны. Но он никогда не терялся, не падал духом. Это был необыкновенно самоуверенный и прямолинейный человек.

В одном из писем к NN (13 марта 1907 г., из Киева) А. А. Ахматова (тогда еще Горенко, не Гумилева) писала: "Зачем Гумилев взялся за 'Сириус'? Это меня удивляет и приводит в необычайно веселое настроение. Сколько несчастиев наш Микола перенес и все понапрасну! Вы заметили, что сотрудники почти все так же известны и почтенны, как я? Я думаю, что нашло на Гумилева затмение от Господа. Бывает".

Выражения "известны" и "почтенны" нужно понимать здесь в ироническом смысле, так как Ахматова приобрела популярность позже Гумилева.

Неудачи и насмешки не могли смутить Н. С. - в нем самом было много иронии и к себе, и к другим, и еще больше жадного интереса к жизни. Он любил в жизни все красивое, жуткое, опасное, любил контрасты нежного и грубого, изысканного и простого. Персидские миниатюры и картины Фра Беато Анжелико нравились ему не меньше, чем охота на тигров. Если не ошибаюсь, единственное, к чему он был совершенно равнодушен, это - музыка. Он ее не любил и не понимал, - не было "уха".

Повторяю, он влекся к страшной красоте, к пленительной опасности. Героизм казался ему вершиной духовности. Он играл со смертью так же, как играл с любовью. Пробовал топиться - не утонул. Вскрывал себе вены, чтобы истечь кровью, - и остался жив. Добровольцем пошел на войну в 1914 г., не понимая,

Как могли мы прежде жить в покое

И не ждать ни радостей, ни бед,

Не мечтать об огнезарном бое,

О рокошущей трубе побед...

Видел смерть лицом к лицу и уцелел. Шел навстречу опасности

И Святой Георгий тронул дважды

Пулю нетронутую грудь...

Одна лишь смерть казалась ему в ту пору достойной человека - смерть "под пулями во рвах спокойных".

Но смерть прошла мимо него, как миновала его и в Африке, в джунглях тропических лесов, в раскаленных просторах пустынь.

Увлекался наркотиками. Однажды попросил у меня трубку для курения опиума, потом раздобыл другую, "более удобную". Отравлялся дымом блаженного зелья. Многие смеялись над этими его "экспериментами".

Он же смеялся над современниками, благополучными обывателями. Отраду видел именно в том, что их только смешило. И закрепил это в стихах:

Я вежлив с жизнью современною,

Но между нами есть преграда,

Все, что смешит ее, надменную,

Моя единая отрада.

Затерянные, побледневшие ныне слова "победа, подвиг, слава" звучали в его душе "как грома медные, как голос Господа в пустыне".

Смеялись над ним: "ну, что нового придумал наш изысканный жираф?.." "Изысканный жираф" смотрел на нас холодно своими раскосыми, блеклыми глазами, улыбался иронически и сухо, шутил, а в душе залился,

"Как идол металлический

Среди фарфоровых игрушек".

Про него говорили: в Африке стрелял-стрелял, ни в одного носорога не попал; на войне стрелял-стрелял, ни одного немца не убил", Год тому назад стреляли в него... и попали...

Напряженно пытаюсь представить себе, как он умер, - и думаю: мужественно, с полным самообладанием. Не он ли уверял нас, что

"Людская кровь не святее

Изумрудного сока трав"?